

НОРМЫ ЗДОРОВОГО ОБЩЕСТВА — ВОТ НЕОБХОДИМЫЕ СТАНДАРТЫ

Дэвид Дж. Сингер

«Теория демократического мира» является одной из наиболее влиятельных теорий в международных отношениях. Датой ее рождения считается 1964 год, когда в журнале «Wisconsin Sociologist» появилась статья социолога-любителя Дина Бабста «Elective governments — a Force for Peace». В своей статье Бабст, опираясь на данные статистики, утверждал, что с 1789 по 1941 год не было ни одной войны между независимыми государствами, которые возглавлялись «выборными правительствами». Он специально подчеркивал наличие причинно-следственной связи между специфическим политическим устройством демократических государств и мирными взаимовыгодными отношениями, которые они между собой поддерживали.

Идеи, изложенные Бабстом, после недолгого забвения были возрождены в 1976 году американскими специалистами в области международных отношений Мелвином Смоллом и Дэвидом Сингером. Они обратились к идеям Дина Бабста в рамках исследовательской программы проекта систематизации данных о войнах, которые велись в течение истории человечества.

Обладая, как им казалось, большей статистической информацией, Смолл и Сингер подвергли критике идеи, высказанные Бабстом, поскольку, как они считали, войны с участием демократий велись столь же часто и были не менее кровавы, чем войны, которые вели авторитарные державы. Отсутствие же прямых военных столкновений между демократиями Смолл и Сингер объясняли тем, что за указанный Бабстом период с 1789 по 1941 год феномен демократического правления был относительно редок и еще более редко демократические страны граничили между собой, а, как известно, войны чаще всего происходят между соседними странами.

Сегодня РЖ беседует с давним критиком «теории демократического мира», которому она, впрочем, обязана своей нынешней популярностью, Дэвидом Сингером.

Дэвид Дж. Сингер — профессор политологии Университета штата Мичиган, старший научный сотрудник кафедры политологии Национального университета Тайпея (Тайвань). В теории международных отношений — один из основных оппонентов теории «демократического мира», согласно которой «демократии друг с другом не воюют»

Утверждение, что «демократии не воюют друг с другом», — правда, но это лишь видимая невооруженным глазом часть правды. Стоит помнить, что за последние двести лет демократий было не так много и они не часто соседствовали друг с другом. Именно поэтому демократии, по численности еще не достигшие «критической массы», имели низкую степень вероятности начать войну друг с другом.

Говоря, что «демократии не

воюют друг с другом», не стоит также забывать и том, что развитые индустриальные демократии оказались замешанными в самых масштабных войнах со времен окончания Второй мировой войны. Соединенные Штаты выглядят как свободное, открытое и демократическое общество. Но при этом президент Барак Обама убеждает американское общество в том, что война в Афганистане — «необходимая война». Он говорит американскому народу, что война нужна для того, чтобы «подавить террористические атаки на Северную Америку» со стороны движения «Талибан». Этот пример показывает, что довольно легко убеждать людей ввязываться в войны или поддерживать войны. И демократия как форма правления этому не помеха.

Главный вопрос заключается в том, является ли сама демократия, в общем, более или менее устойчивым явлением современности. Когда распался Советский Союз, многие на Западе сказали: «О'кей, это доказывает, что демократии более стабильны, более ответственные, более миролюбивы». Фрэнсис Фукуяма написал книгу «Конец истории» (и сегодня об этом сожалеет). Основная мысль этой книги заключалась в том, что история завершила свое развитие в тот момент, когда был разгромлен коммунизм как альтернативная идеология. В результате исчезновения СССР и в немалой степени благодаря книге Фукуямы на свет родился синдром, при котором многие люди автоматически ассоциируют свободную рыночную экономическую систему с демо-

кратией. С исторической же точки зрения это отождествление неверно.

Обсуждение каких-то общих стандартов демократии вполне возможно. Но эти нормы нельзя привязывать только к формаль-

Легко убедить людей ввязаться в войну. Демократия как форма правления этому не помеха

ным политическим критериям. Сначала надо разработать такие показатели или критерии, которые укажут на степень демократичности общества, степень свободы граждан, имеется ли у них, например, доступ к чистой воде, образованию и работе, испытывают ли они нужду. Фактически ООН разработала программу, в которой есть очень хорошие индикаторы здорового общества, она вполне применима и для нормативов демократии.

Идея борьбы за справедливое распределение благ как за определенную гарантию демократического развития как раз сейчас и актуальна, в отличие от пропагандистских агиток в духе Всемирного банка. Но вы не заметите, чтобы ведущие индустриальные общества играли серьезную или активную роль именно в творческой работе по развитию реальной демократии. Американцы, англичане, французы и итальянцы — все они декларируют свою приверженность более свободным обществам, хотят укрепления демократии и усиления эгалитаризма. Но когда дело доходит до конкретных действий, мало что происходит. В последние годы работы администрации Буша США тратили много денег на здравоохранение в африканских странах. Однако эти деньги ведь не пошли на общую реструктуризацию системы здравоохранения в регионе. А как можно применять показатели здорового общества по отношению к людям в тропических

странах, где люди постоянно болеют и их жизнь находится под постоянной угрозой? Именно поэтому в первую очередь стоит продвигать идею общепризнанных норм здорового общества. И если эти нормы будут утверждаться, тогда мы сможем рассчитывать и на более

совершенное политическое устройство для граждан.

За последние восемь лет — при администрации Буша — внешняя политика США сделала многое, чтобы продвинуть, как это декларировалось, демократию во всем мире. Но что это был за процесс по сути? Правительство США стремилось к тому, чтобы свергать левые и левонационалистические режимы. Это был отнюдь не вопрос распространения демократии, это был вопрос уничтожения идеологических противников. Можно сказать, что администрация Буша на самом деле не

США использовали свое экономическое влияние в большинстве таких обществ, превращая его в политический инструмент

стремилась к созданию современных демократических режимов. Она была заинтересована в режимах, которые были бы способны удерживать социалистов, коммунистов и даже социал-демократов подальше от власти. Буш был заинтересован в создании экономически правых режимов, которые больше отвечали конъюнктурным внешнеполитическим интересам США.

Бралось среднее ближневосточное, африканское или латиноамериканское общество, в котором очень неравномерно распределен общественный продукт. США использовали

свое экономическое влияние в большинстве таких обществ, превращая его в политический инструмент. Так и усиливались или устанавливались правые режимы или группы влияния, проповедовавшие неолиберализм, но отнюдь не демократические преобразования или ценности.

Это исторически определенная форма политики для США, с которой американцы никак не могут расстаться. Сразу после окончания Второй мировой войны, когда СССР и США начинали конкурировать между собой, обе супердержавы стали вкладывать массу усилий, денег, оружия и военной силы в режимы, которые оказывали им больше поддержки. Противостояние сверхдержав нанесло огромный ущерб развитию стран третьего мира. Все эти страны были предельно коррумпированы политикой «кормления», их самостоятельное развитие было прервано. Если вы посмотрите на страны третьего мира сегодня, то увидите, что все эти «развивающиеся сообщества» фактически не развиваются. Они все больше

зависят от экспорта сырья — чаще всего одного вида сырья: нефти или газа, минералов или алмазов. Эти страны обладают очень хрупкими и уязвимыми экономиками, предельно пострадавшими еще и от последствий глобального кризиса. Поэтому в целом все разговоры об увеличении количества разновидностей демократии во всем мире пока не своевременны. Государство может проводить выборы, как это происходило совсем недавно в Афганистане, но вы, безусловно, не назовете Афганистан демократическим обществом.

В большинстве мусульманских стран, даже если их и называют демократическими, значимая часть населения имеет либо очень ограниченные права, либо вообще их не имеет. Например, проблема с правами женщин в исламских странах обстоит очень сложно. Женщин держат вдали от политики и не допускают в бизнес. Это одна проблема. Возьмем, к примеру, Малайзию, проблемы которой лежат на поверхности. Экономика страны за последние двадцать лет развивается довольно успешно. Если вы будете путешествовать по стране, то увидите действительно процветающее общество. Но это жесткое авторитарное общество, в котором режим без колебаний расправляется со своими оппонентами.

Или другой пример, уже немусульманской страны, — Южная Африка. ЮАР, наверное, приблизилась к нормам демократии больше, чем какое-либо другое африканское государство. Но тем не менее оно вовсе не демократическое. В этой стране критическая масса бедных просто не в состоянии участвовать в общественно значимых процессах — граждане ЮАР просто борются за свое выживание, поэтому там не сложился развитый политический класс.

На Западе усилиями нынешнего руководства Всемирного банка и МВФ мы возвращаемся к временам Роберта Макнамары, некогда возглавлявшего ВБ. Тогда, как и сейчас, успешно работала пропаганда, которая создавала впечатление, что демократия и свободные рынки распространяются во всем мире. Это было неправдой тогда, и это неправда сейчас. Уровень социального благополучия снижается, а уровень экономического благосостояния снижается еще больше. Ожидать расцвета демократий во времена кризиса, подобного этому, следует с большим сомнением. ■

Специально для РЖ

КОМИКС О «НЕВОЮЮЩИХ ДЕМОКРАТИЯХ»

МОДЕСТ КОЛЕРОВ – кандидат исторических наук, управляющий директор информационного агентства «REGNUM», действительный государственный советник РФ первого класса

«Демократии между собой не воюют» в мифологическом пространстве, где действуют воплощенные чистое добро и чистое зло. Только в сказках Дюймовочка и Русалочка тоже между собой не воюют. А если воюют, скажет вам такой теоретик, то тут же перестают быть дюймовочками и русалочками, иными словами, демократиями.

Нельзя даже сказать, что здесь перепутаны причины и следствия, типа, что мобилизующееся в целях ведения войны государство перестает быть демократией. **В «теории демократического мира» вообще нет ничего, кроме комикса.** А в комиксах, как в любых сказках и мифах, нет иерархии причин и следствий. Это простое черно-белое кино. К тому же немое.

В реальности нет никаких чистых и образцовых демократий. И клеймо демократии не помещало, например, Швеции вплоть до 1975 года принудительно стерилизовать политических противников, а Великобритании вплоть до 1955 года применять такую коммунистическую меру, как уравнильное распределение по потребительским карточкам. В 1938 году именно демократические Англия и Франция отдали демократическую Чехословакию на растерзание Гитлеру. Впрочем, теоретики «демократического мира» теперь могут отсчитывать начало «мирных демократий» с момента признания независимости Косова.

Бушистские «распространители демократии» ориентировались не столько на «теорию де-

мократического мира», сколько на сочинения Редьярда Киплинга. Буш никогда не скрывал и не прикрывал сердцевины своей внешней политики — ее миссионерства. И хотя Обама пока более скрытен, разница между ними лишь в степени агрессивности миссионерства.

Нельзя исключать, конечно, что демократические режимы начинают в последние двадцать лет войны одну за другой, следуя именно «теории» Дина Бабста. Друг с другом им воевать нельзя, а против «недемократических» — можно. Да, собственно, и колонизация Америки через истребление индейцев тоже может быть изображена как «демократизация» недемократических дикарей.

Превращение внутренних проблем или конфликтов в государстве в предмет вмешательства того, что называет себя «международным сообществом», зависит исключительно от меры слабости государства. Если потенциальный ущерб от принудительного вмешательства «сообщество» сочтет неприемлемым — реального, не риторического, вмешательства не будет.

Речь идет, конечно, о *реальном* сообществе, а не о мифологическом — международном. **Международного сообщества не существует.** Это всегда псевдоним для глобальных блоков. И все международные (то есть единые глобальные) стандарты и даже усилия по утверждению единого международного права остались в прошлом. Фрагментация мира идет быстрее, чем мы это замечаем. ■